

Почти.

Первым среагировал Цинь Июй.

В тот момент, когда Наньи повернул голову, его взгляд невольно перешел с глаз Наньи на его губы. Внезапно, словно электрический ток, пронзивший его тело, он испугался, резко очнулся и быстро отстранился.

- Я... - Цинь Июй запнулся, его мозг словно отключился. - Что... что ты только что сказал?

В концерт-клубе барабаны, словно волны, раскачивали сердце, жара и давление сжимали дыхание, делая его невероятно трудным.

Так близко, почти коснулись.

Цинь Июй впервые почувствовал, как его тело быстро нагревается, особенно лицо.

- Что происходит?

Его ладони вспотели.

Наньи выглядел гораздо спокойнее, лишь моргнул.

- Он слишком спокоен.

Цинь Июй сглотнул, чувствуя, что все идет не так.

Но на самом деле Наньи тоже забыл, что только что сказал, его мозг был пуст. Он отвернулся и небрежно промолвил:

- Ничего, давай послушаем музыку.

Аутро группы «Неугасимое дерево» было похоже на безудержное веселье. Чэн-Чэн отпустил гитару, поднял руки и хлопал в такт над головой. Зрители в зале тоже подхватили, аплодисменты, словно приливы, поднимали настроение до предела.

На экране рассыпались сердечки, которые постепенно собрались в одно огромное розовое сердце, мерцающее на фоне. Красная линия, пересекающая его, напоминала стрелу Купидона.

В такой напряженной атмосфере, как противники, они должны были чувствовать давление.

Но в этот момент и Наньи, и Цинь Июй были рассеяны, их мысли были далеко.

Ука и Чэн-Чэн по обе стороны сцены взаимодействовали с залом. Люди в толпе поднимали руки, прыгали и хором пели последние строки песни.

[Задержи дыхание -]

[Летняя линия предупреждения гудит]

[Дыхание влюбленных самое сладкое]

На экране неоновый город загорался множеством красных линий, огромное сердце таяло, превращаясь в розовую реку, которая затопляла разноцветный город.

Пока выступление «Неугасимого дерева» не закончилось.

Аплодисменты позади разбудили их от оцепенения, и они машинально присоединились к аплодисментам.

- Вы еще аплодируете! - Чжи Ян, нервничая, подбежал и схватил Наньи. - Нам пора выходить!

- Выходим.

- Удачи!

- Вы последние!

Пробираясь через крики поддержки других музыкантов, четверо из «Звездного часа» покинули стеклянную комнату для наблюдения. Коридор, ведущий за кулисы, был узким и темным, только розовые лампы на потолке давали свет.

В ушах звучали голоса режиссера и персонала.

[Группа освещения, готовьтесь -]

[Барабаны, клавишные готовы? Быстрее!]

Только сейчас он почувствовал реальность происходящего.

Янь Цзи тоже чувствовал давление, идя вперед и обсуждая выступления других групп.

- Кажется, и «Разбитая змея», и «Неугасимое дерево» могут победить.

- Да, - кивнул Наньи. - Если говорить о художественности и идее, то «Разбитая змея» выше, но по атмосфере «Неугасимое дерево» лучше, зрители наверняка дадут им больше баллов.

Чжи Ян, обычно болтливый, сейчас не мог вымолвить ни слова, просто шел вперед. Наньи знал, что это признак его нервов, и ускорил шаг, чтобы быть рядом с ним. Но на повороте внезапно появился человек.

- Осторожно -

Наньи схватили за руку, чтобы он не упал.

Он обернулся и увидел, что это Цинь Июй поддержал его.

Но человек все же врезался в них. Это был сотрудник с бейджем «Стажер-ассистент», несший банки с краской для нового задания в зоне наблюдения.

К сожалению, одна из банок была плохо закрыта.

Цинь Июй первым заметил это, нахмурился и сказал резче, чем обычно:

- Куртка испачкана.

Большая часть краски вылилась на пиджак Наньи, стекая вниз.

Янь Цзи и Чжи Ян, шедшие впереди, тоже заметили это. Чжи Ян чуть не выругался.

- Почему всегда так навезёт? Если пройдем, обязательно схожу в храм помолиться.

- Простите, простите! - Стажер был в панике. - Я... я не хотел, подождите, я найду салфетки, мне правда очень жаль!

Краска была ярко-красной, на черном пиджаке она выглядела особенно заметно, и вытирать ее было бесполезно.

- Не нужно, - Наньи быстро снял пиджак и передал его. - Отнесите в костюмерную, скажите, что я случайно испачкал, они разберутся.

- А твой пиджак...

- Не беспокойтесь, все в порядке.

Цинь Июй тоже начал снимать куртку:

- Я дам тебе свою.

Наньи сразу схватил его за руку, остановив:

- Не надо, оставь себе, я придумал другое решение.

Он проверил, не попала ли краска на белую рубашку, и пошел за Янь Цзи и Чжи Ян в сторону кулис.

- Вы пришли. - «Неугасимое дерево», только что закончившее выступление, собиралось уходить. Ука поднял руку, приветствуя их.

Наньи сразу заметил белые кроссовки на ногах Ука и подошел к нему, напрямую спросив:

- Ты можешь одолжить мне свои кроссовки на несколько минут?

Ука был в замешательстве:

- А?

Чэн-Чэн, стоявший рядом, посмотрел на туфли Наньи и спросил:

- У тебя же есть обувь?

Наньи, не теряя времени, повторил:

- Можно?

Ука, видя его спешку, без лишних слов снял кроссовки и обменялся с Наньи, наблюдая, как тот уходит.

- Разве у «Звездного часа» не униформа - пиджаки и туфли? Почему он сменил обувь? - Чэн-Чэн, глядя на их силуэты, не понимал.

Ука тоже покачал головой:

- Наньи тоже снял пиджак, наверное, что-то случилось.

[Группа, готовьтесь, через две минуты на сцену.]

Из зала доносился голос ведущего, голосование зрителей закончилось, и оценки судей для «Неугасимого дерева» были объявлены.

Они, как и «Разбитая змея», набрали девятьсот баллов.

Чжи Ян, шедший впереди, первым остановился за кулисами. Он нервничал, ему было трудно дышать, в ушах стоял шум, все голоса сливались в один гул. Он снял наушники и глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться.

В этот момент чьи-то сухие и широкие руки мягко закрыли его уши.

Чжи Ян поднял глаза и встретил взгляд Янь Цзи, стоявшего перед ним. Тот просто прикрыл его уши, словно держал его лицо.

Он моргнул, растерянный.

- Я прочитал, что это может временно помочь, попробуешь? - Руки Янь Цзи слегка опустились, большие и указательные пальцы мягко массировали ушные раковины, его голос был таким же спокойным.

- Помогает?

Чжи Ян почувствовал, как будто его душа покинула тело, словно он внезапно погрузился в воду. Все звуки вокруг заглушились, только сердцебиение отдавалось в ушах.

- Не могу дышать.

Чжи Ян отстранился:

- Не знаю... вроде помогает.

Он понял, что это было невежливо, и тихо добавил:

- Спасибо.

- Не за что, - Янь Цзи, казалось, совсем не обиделся. - Если помогает, то хорошо.

[Последняя минута -]

Цинь Июй несколько раз обернулся, убедившись, что Наньи идет за ним.

Наньи поднял руку, завязав длинные волосы, оставив только короткие вьющиеся пряди спереди.

Теперь его прическа стала еще больше похожа на прическу Цинь Июя.

Только сейчас Цинь Июй заметил, что белая рубашка Наньи очень похожа на летнюю форму его школы. В сочетании с белыми кроссовками он словно увидел себя в школьные годы.

Он вдруг понял. Наньи не просто нашел быстрое решение, он полностью воплотил их концепцию.

Цинь Июй подумал, что этот человек слишком умен, почти как робот. Он всегда находит выход, и это тот выход, который нравится Цинь Июю.

Закончив с волосами, Наньи снял сережки с ушей, блестящие гвоздики он собрал в ладони, словно горсть разбитых звезд.

Карманы на брюках были декоративными, и Наньи, попытавшись положить туда сережки, понял это. Не раздумывая, он посмотрел на Цинь Июя, как раньше на Ука, но даже не спросил, а просто протянул руку к его груди. Горсть сережек соскользнула в карман на груди Цинь Июя.

Они были маленькими, но казались такими тяжелыми, давя на сердце.

- Подержи их, - сказал Наньи. - Спасибо.

Он был почти полностью «чистым». Цинь Июй смотрел на его лицо - оно было настолько привлекательным, что чем проще оно выглядело, тем красивее становилось. Ему хотелось представить, как Наньи выглядел в школьные годы.

- Ты нервничаешь? - спросил он.

Ведущий начал представлять их выход, зал взорвался аплодисментами и криками. Звуковая волна накрыла их, и Наньи, чтобы Цинь Июй услышал, приблизился к его уху.

- Нет. - Возможно, это было влияние макияжа, но его голос звучал не так уверенно, как обычно, с оттенком юношеской дерзости и игривости. - Я сегодня без линз, все в тумане, так что я просто представлю, что никого нет.

Он был так близко, что Цинь Июй на мгновение почувствовал его холодный аромат.

- А если ты не видишь меня? - спросил он.

- Я бы увидел тебя даже с закрытыми глазами.

[Свет гаснет, «Звездный час», готовьтесь на сцену -]

Наньи улыбнулся, перед выходом бросив на него взгляд.

- Как думаешь?

Этот взгляд был совсем не таким, как на фестивале. Он был легким, с легкой улыбкой, глаза сияли ярче, чем все сережки вместе.

Цинь Июй на секунду замер, но Наньи, обернувшись, взял его за руку.

- Пошли.

Занавес открылся, темная сцена вернула Цинь Июя в реальность. Его первой мыслью было, что Наньи может не видеть, поэтому он быстро подошел вперед, взял бас-гитару и помог ему надеть ее. В центре сцены стояли два микрофона. Он взял его за запястье, поставил слева, а сам встал справа.

[Все камеры готовы, раз, два, три, начали -]

Наньи положил правую руку на бас-гитару, ожидая, когда загорится свет.

Но в следующую секунду он понял, что это не совсем то, что было на репетиции. Любое отклонение от плана заставляло его насторожиться, пока из динамиков не раздался голос Цинь Июя.

- В наших телах одновременно живут двое. Один - это я сейчас, другой - я в прошлом.

Его обычная легкомысленность исчезла, голос стал глубоким и мягким, с сильной повествовательной интонацией. Несмотря на темноту на сцене, фанаты в зале сразу узнали его.

- Это Цинь Июй?

- Это его новая группа?

- Похоже на копию «Угла Хаоса», стиль, наверное, такой же, ничего нового.

- «Разбитая змея» и «Неугасимое дерево» выступили хорошо, кажется, они могут проиграть, все уже привыкли к стилю Цинь Июя.

Как раз когда Наньи подумал, что Цинь Июй просто добавил монолог, темный экран за ними загорелся. На экране появился синий экран компьютера с низким качеством изображения, и белые строки текста, похожие на код, начали появляться на экране, излучая слабый свет, словно выводясь на экран по одному символу.

Цинь Июй заранее достал калимбу и начал играть хук-часть всей композиции. Звонкие звуки калимбы в сочетании с монологом и текстом на экране мгновенно погрузили всех в сон.

[Большую часть времени «они» живут по правилам, не мешая друг другу, идут параллельными путями, но иногда они меняются местами.]

Наньи услышал свой голос, обработанный, с эффектом искажения, словно это была запись с старой камеры.

Первой его реакцией было посмотреть на Цинь Июя, и тот, казалось, ожидал этого, заранее повернув голову и улыбаясь, с детской улыбкой. Он поднял правую руку и положил ее на грудь - или, точнее, на карман, где лежали сережки Наньи. Его выражение лица словно говорило: «Да, это я сделал.»

Когда это было записано?

Наньи вдруг вспомнил, как в ночь своего дня рождения он случайно нажал на сэмплер.

Легкие задержки, шипение и прерывистость, вызванные монтажом, создавали слегка искаженную, Lo-Fi атмосферу.

[Крах, логика и направление потеряны, остались только интуиция, полный хаос.]

Звуки калимбы замедлились и постепенно прекратились.

[Как лунатик.]

После этого на экране синий экран словно завис, и слова [Как лунатик] начали появляться

снова и снова, накладываясь друг на друга, словно вирус, заполняя весь экран за очень короткое время.

Появился код ошибки:

Error:#Sternstunde N!Yadhtrib yppah 4201

Наньи, стоявший спиной к экрану, не видел этого, но зрители в зале начали обсуждать.

- Код мелькает так быстро! Хорошо, что я записал!
- Очень необычное начало, совсем не похоже на стиль «Угла Хаоса».
- Чувствуется атмосфера сновидений... Мне нравится!
- Слишком вычурно...

Код ошибки быстро исчез, и на экране появился лист бумаги, который, как оказалось, был экзаменационным листом.

Один за другим листы бумаги начали появляться на экране, их становилось все больше, они покрывали весь экран, превращаясь из синего в белый, с плотно исписанными ответами и разными красными оценками, накладываясь друг на друга.

Пока не появился ритм барабанов Чжи Яна.

Тук, тук, тук, тук -

Экран, заполненный экзаменационными листами, был разбит ритмом, превращаясь в белые светящиеся точки, которые постепенно соединялись в линии, волны, расходящиеся кругами, как рябь на воде.

На втором восьмитакте к ритму присоединилась мелодия клавишных, плотная и мелодичная, словно вода.

Янь Цзи, с волосами, зачесанными назад, открыл лоб и свои красивые черты лица. Его образ на сцене был совершенно другим, чем в обычной жизни. Он не взял с собой бас-гитару, перед ним стоял белый синтезатор.

Как и Чжи Ян с Цинь Июем, он был одет в черный пиджак, который, однако, был слишком большим, создавая ощущение расслабленности.

Чжи Ян выглядел похоже, его белые волосы также были зачесаны назад, полностью открывая лицо. Его образ находился где-то между юношеским и зрелым. Его тело двигалось в такт барабанам, коса свисала на левое плечо, слегка сверкая под светом.

- Этот ритм такой сложный, кажется, его трудно играть.

Насыщенный синий цвет на экране также начал рассеиваться, становясь мягче и прозрачнее. Потолок и пол сцены также загорелись, превратившись в бескрайний голубой цвет.

Вся сцена превратилась в сверкающее озеро, а между двумя микрофонами внезапно опустился «водяной занавес», созданный с помощью синего света и дыма, словно волнующаяся поверхность воды, разделяющая двух вокалистов.

- Два вокалиста??

- Если есть Цинь Июй, зачем еще один вокалист? Кажется, это лишнее.

- Не знаю, как насчет музыки, но их лица так хорошо сочетаются, можно ли их шипперить?

Под ритм Цинь Июй покачивал головой, его пушистые волосы двигались в такт. Он подошел к микрофону в паузе между ударами барабанов и тихо произнес название песни.

- Лунатик.

На экране за ним появились слова [Лунатик], белые, плавающие, которые быстро превратились в английскую фразу - Time Loop.

За исключением начальной части, все остальное было так же, как на репетиции. Наньи слегка опустил голову, его длинные пальцы скользили по грифу бас-гитары, нажимая, скручивая, играя. Вены на его руках выделялись, мышцы предплечья напрягались во время игры. На его запястье остались следы краски, глубокого розового цвета, что выглядело довольно двусмысленно.

Пуговицы на его рубашке были застегнуты до самого верха, открывая только кадык. Его выражение лица было крайне сдержанным, только волосы слегка двигались в такт музыке. Весь его образ излучал неприкосновенность, но в нескольких моментах, когда он поднимал глаза, в них проскальзывала неукротимая жажда.

Басовая линия, как вода, вплелась в музыку, низкие частоты сдерживали слишком мечтательную мелодию, но ритм был сложным и асимметричным, создавая ощущение, что все вот-вот выйдет из-под контроля.

- Это тот самый басист, о котором говорили в прошлых репортажах? Тот, от которого все сходят с ума?

- Не зря хвалят... Не могу понять, что круче - его техника или его лицо.

- Теперь я понимаю, почему Цинь Июй присоединился к группе - его заманил басист...

Синяя бас-гитара гармонично сливалась со сценой. После окончания вступления Наньи подошел к микрофону и, опустив глаза, спел первую строку.

[Брожу по озеру времени]

[Склоняюсь к отражению в воде]

Текст на экране был написан его почерком, белый, плавающий.

В отличие от песни «Львиное сердце», которую он пел на отборочном туре, в этой песне он изменил манеру пения. Его голос стал глубже, с большим количеством воздушных нот, создавая сильное ощущение пространства в сочетании с синтезатором и барабанами, словно он пел под водой, воздушно и лениво.

Первые две строки были настолько цепляющими, что зрители быстро перешли от ностальгической атмосферы к миру снов.

- Вау, этот голос... Я растаял.

- Стиль новой группы совсем не похож на «Угол Хаоса».

- Как можно так играть, так петь и при этом быть таким красивым? Откуда такие таланты?

[Рябь размывает очертания]

[Человек на дне говорит:]

[«Смотри на меня, смотри на меня...»]

Когда он пел эти строки, Наньи и Цинь Июй действительно смотрели друг на друга.

- Они так подходят друг другу...

- Они буквально флиртуют взглядами на сцене, что это вообще такое?

За текстом появилась капля воды, которая, упав на поверхность озера, превратилась в огромный глаз.

Зазвучал звонок с утреннего урока, но он был обработан так, что звучал призрачно и прерывисто, словно доносился издалека.

Наньи, играя на басу, пел второй куплет. К его голосу присоединился голос Цинь Июя, словно два человека из разных времен смотрели друг на друга в один момент.

Наньи, играя на гитаре, слегка покачивался, приближаясь к Цинь Июю. Свет пробивался через белую рубашку, очерчивая его талию.

«Водяной занавес» между ними слегка дрожал в такт музыке. Цинь Июй тоже начал приближаться к Наньи, шаг за шагом, пока они не прошли сквозь «поверхность воды» и не поменялись местами, оказавшись у микрофонов друг друга.

[Взгляды встречаются, разрушая иллюзию времени.]

Ритм баса и барабанов ускорился, словно кто-то изо всех сил пытался вырваться из кошмара, но без плана, без выхода.

На большом экране глаз моргнул, черный зрачок расширился и растянулся в такт ускоряющемуся ритму. Потолок и пол сцены также потемнели.

Вся сцена превратилась в вращающийся черный коридор, пол которого был покрыт водой, а белки глаз превратились в мелькающие белые окна.

Зрители в зале, подняв головы, естественно погрузились в первый персональный угол зрения, словно бежали по коридору, пока в темноте не появилась светящаяся точка, белый выход, а затем неожиданный обрыв.

[Надев школьную форму, «я»]

[Прыгаю вниз, полностью промокнув.]

В падающем взгляде белые светящиеся точки превратились в толпу размытых юношей. Они были одеты в одинаковые школьные рубашки с короткими рукавами, их правые руки были сжаты в кулаки и подняты к вискам.

[Яркие белые школьные формы]

[Стоят в строю на спортивной площадке.]

Нань И слегка поднял голову. Его воздушный голос, безразличное выражение лица и слегка искаженная басовая линия создавали образ пророка, который случайно попал в прошлое, знал все, но не мог ничего изменить.

[«Я» молчу, они клянутся, подняв головы.]

[Светлое будущее важнее свободы.]

Эту строку пели все трое, кроме барабанщика. Визуальные эффекты текста были особенно сильными – это был единственный текст, написанный красным цветом.

[Благочестивые сертификаты в обмен на несколько квадратных метров высоток.]

На черной спортивной площадке из земли начали вырастать странные вещи – не цветы и не деревья, а серые здания. Они росли из-под ног юношей, с ужасающей скоростью поднимаясь вверх, сжимая землю, превращаясь в плотные небоскребы.

Схватка барабанов и баса достигла своего пика – быстрая, хаотичная, запутанная, ритм становился все быстрее, и вместе с этими зданиями они сплетали плотную сеть.

Те белые, одетые в школьные формы фигуры, исчезли среди огромных зданий, став меньше муравьев.

Как раз когда ритм и мелодия были на грани потери контроля, все инструменты внезапно замолчали. Эмоции зрителей, поднятые до предела, мгновенно оказались в вакууме, словно невидимая рука сжала их горло.

Нань И отпустил бас-гитару, поднял руку и положил ее на микрофон. Синий свет, словно туман, опустился на сцену. В этой короткой тишине он закрыл глаза, слегка приоткрыл губы и глубоко вдохнул.

Звук вдоха, усиленный звуковой системой, звучал как болезненное, жуткое искушение.

Когда он открыл глаза, инструменты снова заиграли. Он смотрел на толпу зрителей, его взгляд был пустым.

[Здесь никто не слышит спойлеров:]

[Чтобы добиться успеха, нужно предать своего детского «я».]

Заметки от автора:

(Хотя тема этой песни не имеет ничего общего с любовью, это действительно плод сотрудничества двух вокалистов.)

Время возвращается к утру после дня рождения:

Цинь Июй, проснувшись, увидел текст песни на столе –

[Брожу по озеру времени

Склоняюсь к отражению в воде

Рябь размывает очертания

Человек на дне говорит:

«...»]

- Это именно то начало, которое я хотел! Но почему здесь не хватает строки?

Итак, пока НаньИ еще спал, Цинь Июй сидел за столом и пытался дописать недостающую строку, но как бы он ни старался, ничего не получалось. Вдруг он услышал шорох за спиной - это НаньИ проснулся. Он сел, глаза полужакрыты, он был еще в полусне.

Цинь Июй подошел к нему с текстом в руках.

- Ты придумал, что здесь должно быть? Я никак не могу найти подходящие слова, может, ты напишешь?

Он положил правую руку на плечо НаньИ.

На самом деле, из-за того, что Цинь Июй был слишком близко, а НаньИ еще не полностью проснулся, он не услышал ни слова, а просто повторил то, что Цинь Июй говорил ему прошлой ночью, когда приставал к нему.

- Смотри на меня...

Цинь Июй замер, затем снова посмотрел на текст.

- Да, именно это! Мне нравится эта строка!

- Ты просто гений! Осталось только доработать текст!

В порыве волнения он обнял еще сонного НаньИ, но вдруг почувствовал что-то не так и быстро отпустил.

- Давай, вставай, нам нужно на репетицию.

НаньИ нахмурился, посмотрел на покрасневшие уши Цинь Июя, затем натянул одеяло на голову и снова лег.

- Ладно, я все еще сплю.

- Еще немного посплю.

<http://bllate.org/book/14694/1313159>